

лись тебя... «Петруша, друг мой», говорила матушка. «Как тебя господь привел! Здоров ли ты?»

Я спешил их вывести из заключения,—но, подошед к двери, я нашел ее снова запертою. «Андрюшка,» закричал я, «отопри!» — «Как не так,» отвечал из-за двери земский. «Сиди-ка сам здесь. Вот ужо научим тебя буяннить да за ворот таскать государевых чиновников!»

Я стал осматривать анбар, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться. «Не трудись», сказал мне батюшка: «не таковский я хозяин, чтоб можно было в анбары мои входить и выходить воровскими лазейками». Матушка, на минуту обрадованная моим появлением, впала в отчаяние, видя, что пришлось и мне разделить гибель всей семьи. Но я был спокойнее с тех пор, как находился с ними и с Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я мог еще выдержать осаду. Зурин должен был подоспеть к вечеру и нас освободить. Я сообщил все это моим родителям и успел успокоить матушку. Они предались вполне радости свидания.

«Ну, Петр», сказал мне отец: «довольно ты проказил, и я на тебя порядком был сердит. Но нечего поминать про старое. Надеюсь, что теперь ты исправился и перебесился. Знаю, что ты служил, как надлежит честному офицеру. Спасибо, утешил меня старика. Коли тебе обязан я буду избавлением, то жизнь мне вдвое будет приятнее». Я со слезами целовал его руку и глядел на Марью Ивановну, которая была так обрадована моим присутствием, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шум и крики. «Что это значит?» сказал отец. «Уж не твой ли полковник подоспел?» — «Невозможно»,